

При всех национальных рабфаках и отделениях были организованы одногодичные подготовительные группы, что увеличивало продолжительность обучения на год. В 1929 г. произошел переход дневных рабфаков на четырехлетний срок обучения, для ряда национальностей этот срок увеличился до пяти лет.

Таблица 1

Сеть национальных рабфаков и национальных отделений при дневных рабфаках

Источник [4, с. 73–74, данные в источнике в форме таблицы].

№ п/п	Национальность	Название рабфака (национального отделения)	Ежегодный прием
1.	Поляки	Национальное отделение рабфака имени Покровского в Москве	30
2.	Латыши	Национальное отделение рабфака ЛГУ	35
3.	Эстонцы	Национальное отделение рабфака ЛГУ	35
4.	Финны	Национальное отделение рабфака ЛГУ	35
5.	Евреи	Национальное отделение рабфака ЛГУ	35
6.	Немцы	Национальное отделение Саратовского рабфака	60
7.	Корейцы	Национальное отделение Владивостокского рабфака	30
8.	Китайцы	Национальное отделение Владивостокского рабфака	30

Помимо низкого уровня изначальной подготовки слушателей, проблемой было преподавание на родном языке. Если для представителей западных нацменьшинств она стояла не столь остро, то для восточных национальностей было зачастую проблематичным найти соответствующих преподавателей.

Выводы

Таким образом, рабфаки, являясь частью системы высшего образования, фактически готовили молодых людей к поступлению в вуз, что было особенно актуальным для представителей национальных меньшинств, не имевших достаточно развернутой довузовской подготовки. Но стоит отметить, что уровень подготовки рабфаковцев из восточных нацмен был все же ниже, чем у русских, а также у национальных меньшинств Запада, что объясняется их слишком низким изначальным образовательным уровнем.

Литература

1. Декреты Советской власти. Т. 3. М. 1964. С. 141.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (далее – СУ). 15 сентября 1919 г. № 45. Ст. 443.
3. Рабочие факультеты. МСЭ. М., 1930. Стлб. 104.
4. Цузмер М. Национальные рабфаки // Десять лет строительства рабфаков. Сб. ст. М.-Л., 1929.
5. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 296. Оп. 1.
6. Народное просвещение. 1927. № 1. С. 101.
7. Харламова Т.И., Панин Е.В. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в советской России: 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. –Тамбов: Грамота, 2012, № 7. Часть III. С. 153–156.

Природа социально-этнического конфликта

Чулкова О.О.

Университет машиностроения
(495)223-05-23 доб. 1237, O_chernyh@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется философский анализ природы социально-этнического конфликта на современном этапе, национальной идентичности как

основы социального конфликта (межгруппового конфликта) и его роли в условиях глобализации.

Ключевые слова: этнос, социально-этнический конфликт, нация, национальная идентичность, социальный конфликт, межгрупповой конфликт, глобализация.

Философский анализ природы социально-этнического конфликта предполагает его антропологическую проекцию. При этом важным для понимания природы социально-этнических конфликтов является последовательный конструктивизм в истолковании национальной идентичности — он состоит в радикальной переориентации представления об онтологическом статусе *нации*. От представления о нациях как субстанциальных агентах исторического процесса нужно перейти к представлению о нациях как социально-исторических «фикциях», сложившихся в результате последовательных усилий государств по «переплавке» разнородного этнического субстрата в относительно однородное социально-культурное сообщество. При этом следует иметь в виду, что *современные нации* имеют весьма косвенное отношение к *этническим сообществам*, исторически предшествующим современным нациям и носившим те же имена [Сухачев В.Ю., с. 175].

Определение этноса находят свое отражение в таких подходах, как: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. В примордиалистском подходе выделяют социобиологическое и эволюционно-историческое направления. Согласно первому из них, этничность — это объективная данность, примордиальная сущность человека, это «расширенная родственная группа», «расширенная форма родственного отбора и связи» или биологическое сообщество (Л.Н. Гумилев и др.). Второе направление провозглашает этнос социальной общностью, реально существующими группами с присущими им чертами — языком, культурой, идентичностью, отличающими их от других групп (Ю.В. Бромлей и др.). С точки зрения инструменталистского подхода, этнос — это общность, объединяемая интересами, это средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе (Н. Глезер, Д. Мойнихин, Дж. Дэвис и др.). С позиции конструктивистов (Б. Андерсон, Р. Бурдбе, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков и др.), этническая общность и этническое самосознание конструируются интеллектуалами (писателями, учеными, политиками) [Корташев В.А., с.15].

Закат классических империй и принципа колониализма — прежде всего английской и российской — поставил на повестку дня противоречие между принципом нерушимости границ государств и правом *этнических групп* на самоопределение. Именно это противоречие пронизывает современное общество и является источником многочисленных конфликтов — достаточно назвать Испанию, Ирландию и Россию. Процесс складывания наций-государств во многих регионах мира далек от завершения: он может представлять собой «бомбу времени» как направленный демографический взрыв, когда этнические группы начинают претендовать не только на территориальную либо *культурно-языковую автономию*, но и на отделение и образование собственного *государства*. Именно это произошло, например, в Югославии, что позволило создать фантазмагорию, гораздо большую, чем просто намек [Смит Э.]. Существуют концепты, придерживающиеся «субстанциальной», а не «функциональной» логики и продолжающие рассматривать нации как дозревшие до нужной кондиции этносы, а национализм как самосознание наций — хотя их позиция на сегодняшний день не может считаться доминирующей в социальной теории [Смит Э.]. В самом деле, «национальное» вообще не может быть синонимом «этнического»: нация есть общность принципиально иного порядка, это — по сути — «дисциплинарный трансформатор», синтезирующий из швабов и пруссаков — немцев, из бургундцев и нормандцев — французов и т. д. [Геллнер Э.] Речь, следовательно, идет о том, что традиционно определяемая «общность культуры» не является изначальной данностью — она есть нечто «сделанное», а не «найденное», причем деланное усилиями элит — и затем презентуемая в качестве «национальной» культуры. Поэтому и встает вопрос: могут ли нации жить без национализма? — даже если он ясно и последовательно не выражен в публичном пространстве или не встречается понимания у соотечественников, он должен присутствовать как своего рода *идентификационная программа*, как сово-

купность символов, сообщающая стабильность «слепой силе» [Казанова П.] воображения. Таким образом, социальная структура европейских сообществ характеризуется крайне ослабленным, астеническим состоянием и вовлечение сторон в зоны социальной активности представляется достаточно проблематичным. Может быть даже, на повестке дня то, что способно инициировать социальный конфликт, своего рода «шоковая терапия», способная пробудить гражданское самосознание.

При рассмотрении вопроса соотношения антропологической детерминации и социальной конфликтности прежде всего речь должна идти о таких гигантах евразийского континента, как Россия, Китай и Индия. Их уникальные культуры обнаружили исключительную выживаемость и устойчивость в своем идеологическом противостоянии меркантильно-инструментальным антропологическим и образовательным идеалам Запада.

Поэтому инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только народы, сохранившие элементы *органичности жизни* и обладающие мощным *ценностно-духовным потенциалом*, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными на нынешней развилке исторических путей противостоять вирусу потребительства, ориентациям на паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы стратегиям потребительства, для утверждения ценностей *духовноэкологической* цивилизации. Этим народам бесполезно соревноваться с Западом на почве рыночной конкуренции. Их задача – не имитировать уже пройденные пути исторического развития, а освоить собственный потенциал культурно-цивилизационного роста. Сегодня может получиться так, что именно технически и экономически недостаточно развитые страны смогут утвердить себя в качестве лидеров духовного поиска форм жизни, адекватных *природе человека*. Важнейшим и необходимым элементом стратегии выживания и культурно-цивилизационного роста в этих условиях остаются ориентации на поддержание *национально-культурных образов мира*.

Цивилизационный подход призван представить всемирную историю как разнообразие культурно-цивилизационных исторических типов. То, что со времен публикации «Постижения истории» Тойнби у современных авторов называется цивилизацией, Шпенглер называет культурой, выделяя две причины межнациональных конфликтов.

Во-первых, межнациональные противоречия и ксенофобия в первую очередь связаны не с сознанием национального, расового различия или боязнью перед чужаком, а «по причине слишком большой разновременности».

Вторая причина межкультурных конфликтов связана со стремлением перенести свои ценности, принципы жизни и морали, нормы этики и эстетики, табу на представителей других культур, что вызывает отторжение у контактирующей культуры.

В качестве иллюстрации Шпенглер рассматривает Российское государство после реформ Петра I. Петр в результате модернизации всех сфер жизни ввел в русскую культуру чуждые ей формы западного образца. В результате в России произошел культурный разрыв, населения было разделено на два обособленных мира. Именно это предопределило остроту внутреннего конфликта в российском обществе и его основные проблемы на долгое время. В России сформировалось два совершенно оторванных друг от друга мира: вестернизированная элита и основная часть населения страны, являющаяся носителем традиционной культуры. Шпенглер видит в этом раздвоении причину революции и победы большевиков в России в 1917 году.

В современном мире наиболее острой является проблема межнациональной агрессии и ксенофобии. Шпенглер справедливо считает, «что нельзя действовать в форме своей собственной культуры, а чужую игнорировать» [Шпенглер О.]. Спустя 70 лет после издания «Заката Европы» подобные идеи в актуализированном виде были перенесены в прикладную сферу - политологию. Книга «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» Сэмюэля Хантингтона сделала идеи Шпенглера популярными и, следовательно, способными повлиять на ход истории. [Хантингтон С.]

Что касается такого политического явления, как война, то Шпенглер считает, что во-

оруженные конфликты могут эволюционировать: от обычной войны к холодной войне-гонке вооружений, а впоследствии – и к борьбе за разоружение. Холодная война характерна для эпохи цивилизаций. Эта эпоха «отлаженной» войны, когда количество людей, желающих мира, больше количества людей, готовых жертвовать собой. «Мир во всем мире... содержит в себе частный отказ колоссального большинства от войны, однако одновременно с этим и неявную готовность сделаться добычей других, которые от войны не отказываются» [Шпенглер О., с.463].

Особенно остро формулируется проблема сохранения достижений национальной системы образования для России, населяющих ее народов, включая народы Северного Кавказа. Их постепенное втягивание в процессы глобализации уже само по себе оказывает разрушительное воздействие на антропологические и образовательные традиции национальных культур.

В плане исследования *социально-этнической* конфликтности важно то, что *конфликты* между индивидами и группами рассматриваются как частные «*функциональные расстройств*», преодолеваемые благодаря действию «стабилизирующих институтов» (Т. Парсонс). Поэтому речь и шла только о таких конфликтах, которые затрагивали цели, ценности и интересы, не противоречащие принятым основам внутригрупповых отношений. «Интеграцией занимаются те институты, которые берут на себя социальный контроль и которые поддерживают общую культуру и набор символов, в то время как функцией поддержания порядка занимаются социализирующие институты (семья, школа, религия), которые согласовывают структуру личностных мотиваций с целями и ценностями общества. Это происходит, когда индивид в процессе социализации приобретает свою индивидуальность и одновременно интернализует нормы данного общества» [Монсон П., с.46]. Конфликту отводится, таким образом, *негативная* роль.

Но сегодня – как и на пороге эпохи модерна с ее открытиями *бессознательного, экзистенциального, трансгрессивного* – можно сказать, что системная теория, сделавшая ставку на нормативность и регулярность, забыла о «подпольной, природе» человека (Ф.М. Достоевский) – именно о том, что чрезвычайно важно при рассмотрении природы *социально-этнических* конфликтов. Оказалось не учтено то, что полное превращение человека в роль «социального субъекта» невозможно. В любом случае *нонконформизм* есть проявление свободы как онтологического места человека. Оспаривание, господство и борьба за признание, высокий статус личности и этноса – это антропологические первофеномены, вокруг которых возникает напряженность конфликта. Постиндустриальные сообщества выбрали путь «репрессивной десублимации» (Г. Маркузе) – своего рода «принуждение к счастью», что вызвало ряд реакций (современный терроризм, эсхатологическое сектанство). Так что сразу нужно понять, что если конкретный конфликт имеет относительный характер и локализуется в определенной области, то *социально-этнический* конфликт как *феномен* есть универсальная форма человеческого общежития – избавить человека от конфликтности означает избавить его от себя самого. В культурной антропологии и социологии узкая трактовка социального конфликта (как временной и подлежащей устранению дисфункции) была подвергнута разрушительной критике. Конфликт – неизбежный спутник социальной жизни, выполняющий ряд позитивных ролей (распределение символического капитала, стимуляция социальной мобильности, утверждение дифференциации ролей). Социальным антропологам удалось показать значение конфликтов как естественных, всеобщих и неустранимых форм общественной жизни и деятельности, способных при определенных условиях выполнять роль позитивного средства интеграции и стабилизации социальных групп, институтов и социальной системы в целом. Социально-этнические конфликты предстают как стимуляторы совершенствования социальных структур, общественных отношений и институтов.

Кроме того – конфликт не есть чисто «*физическое событие*», не есть столкновение неодушевленных тел. В любом случае речь идет о целеполагании – коль скоро конфликт можно определить как «появление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон, т.е. это процесс, в котором два или более индивида или

группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции» [Денисова О.Г., с.103]. Таким образом, конфликт именно *переживается* – независимо от того, действительные или фиктивные его мотивы прочитываются в опыте сознания.

Исследователи справедливо отмечают, что тенденции глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия (волны миграции из стран третьего мира, формирование полиэтнического рынка труда, интернационализация бизнеса в условиях создания мультинациональных корпораций, динамика потребительского рынка) требуют разработанных инструментов социального контроля. Этнографические исследования с их индивидуализированными методами манипулирования информацией и чувствительностью к уникальности жизненного опыта, в большей степени, чем количественные методики, позволяют проникнуть в суть и найти способы усовершенствования технологий управления конфликтом.

На пересечении рассмотренных выше срезов анализа имеет смысл продумывать «конфликтогенную ментальность». От этого прямо зависит понимание роли социального конфликта в развитии общества. Прежде всего, нужно иметь в виду, что сама социальная структура содержит гарантию единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: возможность институционализации конфликта определяется степенью его недопустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом, ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт [Козер Л]. Но всегда в социальной структуре любого типа имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов, подгрупп или групп по поводу дефицитных ресурсов, престижа и власти.

В межгрупповых конфликтах индивид склонен вести себя более агрессивно, нежели в случае, когда от него требуется принятие индивидуального решения. Причины заключаются в так называемом эффекте толпы, который, с одной стороны, обеспечивает «заражение агрессией», а с другой, заметно снижает чувство персональной ответственности за происходящее.

Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций. Современные конфликты часто вспыхивают там, где определенный антропологический тип отказывается следовать *императиву эффективности*, которым живет современный глобальный капитализм. В свою очередь американский аналитик экономических механизмов глобализации М. Кастельс указывал, что современные стратегии экономического обмена конструируются по модели сегментации, которая в пространстве глобальной экономики устанавливает фундаментальную асимметрию между *успешными* и *неуспешными* экономическими субъектами. Конкурентноспособность и экономическая эффективность всецело зависят от избирательного использования инновационных технологий – в конечном счете от информации. Таким образом, в ситуации глобализованного мира новое знание и высокая информированность выступают основным критерием производительности и конкурентноспособности. Привлечение знания становится ключевым инструментом конкуренции между фирмами, организациями и сообществами всех типов.

Если любое общество использует принуждение, поскольку для членов общества изначально характерно неравенство социальных позиций (собственности, власть, информация), это приводит к *антагонизму* интересов, который в традиционных обществах более или менее отсутствует. Даже если в группах, где индивиды находятся в тесных отношениях друг с другом, происходит постепенная аккумуляция конфликтности, следовательно, и усиление внутренних антагонизмов, приводящее к конфликту, он будет особенно острым.

Ментальность человека в социально-этнических конфликтах определяется не только внутри сообщества и традиции. Новоевропейское *самопонимание человека* синхронно новоевропейской *научной революции* – можно сказать, что новоевропейское политическое само-

чувствие не в последнюю очередь оказалось связанным с возросшей властью человека над ходом природных процессов. Многочисленные открытия в области природных процессов соответствуют антропологическим открытиям. Люди становились более понятными себе как существа, которые, опираясь на собственные индивидуальные размышления и наблюдения, способны достичь подобной достоверности. И главное то, что в отношении самих себя они становились *другими*: были мало склонны мириться с традиционным образом, священном авторитетами. Все более сознательно они подвергали самих себя проверке в зеркале собственного сознания – люди перешли на новую ступень самосознания. «Изменения обоих порядков – их образа внечеловеческого универсума и их образа самих себя – были теснейшим образом связаны друг с другом. И картезианская постановка вопроса, «теоретикопознавательная» постановка вопроса вообще была не чем иным, как формой выражения этого нового образа человека о себе самом» [Элиас Н., с.141].

Таким образом, конфликт в любом случае мобилизует социальные отношения – бесконфликтное общество было бы «муравейником» или *антиутопией*.

Встает вопрос о возможностях рассмотрения социально-этнического конфликта с точки зрения ценностного содержания: актуализация этого вопроса связана с возможностью рассмотрения глобализации в аксиологическом ракурсе. Это проблема управляемости глобализацией представляется весьма важной, поскольку самым непосредственным образом связана с проблемой управления конфликтностью. При этом, трактуя глобализацию как объективный феномен, мы можем рассматривать ее двояко – как неуправляемый, «природный» процесс и как управляемый, «рукотворный».

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что достаточно сложно рассуждать о полезности или вредности конфликтов как вообще, так и социально-этнического конфликта в частности.

Деструктивная роль социально-этнического конфликта – это основа войн, захватов чужих территорий, уничтожение образцов достижений культур, обнищание и истощение наций, гибель населения.

Конструктивная роль – рост конкурентоспособности, технический прогресс, рост общественного самосознания, таким образом, конфликт в любом случае мобилизует социальные отношения – бесконфликтное общество было бы «муравейником» или *антиутопией*.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и для общества. М., 2002.
2. Бугалин А.В., Павлов М.Ю. Антиглобализм // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2008.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 2001.
4. Денисова О. Г. Современное понятие и способы разрешения социального конфликта // Вызовы современности и ответственность философа: Материалы «Круглого стола», посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет/Под общ. ред. И.И.Ивановой.— Бишкек, 2003.
5. Казанова П. Мировая республика литературы. М., 2003.
6. Козер Л.А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. М., 2006.
7. Корташев В.А. Этническая политология. Лекции в структурно-логических схемах: Учебно-методическое пособие /Под ред. М.А.Василика. СПб.: СПбГПУ. 2004.
8. Монсон П. Современная западная социология. Теории. Традиции. Перспективы. СПб.: Нотабене, 2002.
9. Панарин А. Искушение глобализмом. М. 2007.
10. Секацкий А. К. Тишина на Балканах // Запад или человечество? Историософия балканского конфликта. СПб., 2000.
11. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор теорий современных наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
12. Сухачев В. Ю. К генеалогии современного русского национализма // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб.: Петрополис, 2005.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М., 2003.
14. Шпенглер О. Закат Европы, М.: Эскмо, 2007.
15. Элиас Н. Проблемы самосознания и образа человека // Элиас Н. Общество индивидов. М., Праксис, 2010.
16. Cox R.W. Global Perestroika//Approaches to World Order. Cambridge, 2006.
17. Lasarus N. Charting globalization//Race and Class. L., 1998/1999. - Vol. 40. № 2/3.

Теоретический анализ основ и особенностей информационного общества

Волкова Я.А.

Университет машиностроения
+7 (495) 223-05-23(доб. 1255), volkova@mami.ru

Аннотация. В статье рассмотрено влияние современных информационных технологий на развитие постиндустриального общества.

Ключевые слова: информационное общество, постиндустриализм, модернизация, информационно-коммуникативные технологии

Вторая половина XX века в философии характеризуется возникновением ряда принципиально новых философских концепций, переосмысляющих современный этап развития человечества [1, 2, 3]. На первый план выходит теория постиндустриального общества как наиболее полно описывающая современное устройство общества. Ранее парадигма модернизации рассматривала цивилизацию как универсальный процесс всех государств и народов. В семидесятых годах прошлого века переосмысливаются теории, основанные на универсализме, как утратившие концепт. В развитых странах возникали проблемы в формате прежней индустриальной модели. Кризис модели индустриального развития обозначился как на Западе, так и в СССР и Варшавском блоке, что требовало решения проблем общества в социальных, политических, экономических научных теориях и практике. Тенденция становления постиндустриального общества (в последующих интерпретациях информационное, научное, интеллектуальное общество, новая экономика) представляет изменения общественного сознания, смену ценностных ориентиров по отношению к труду, знанию, природе, посредством реализации собственных возможностей.

Данная теория явилась естественным продолжением концепции индустриального общества А. де Сен-Симона, О. Конта, Дж. Ст. Милля. К предшественникам данной теории можно отнести:

- возникшую в 40-е - 50-е г. трёхсекторную модель производства, согласно которой национальная экономика делится на первичный (добывающие отрасли), вторичный (обрабатывающая промышленность), третичный (сфера услуг) секторы;
- концепцию стадий роста У. Ростоу [4];
- доктрину «единого индустриального общества», развитую в 60-е г.

Основоположник постиндустриальной теории Д. Белл полагал, что постиндустриальную модель общественного развития характеризует не мускульная сила (доиндустриальная модель), не машинная техника (индустриальная модель), а знание, интеллект” [5], хотя в понятие постиндустриализма в XX веке вкладывался смысл, отличающийся от принятого в настоящее время.

Новейший философский словарь трактует общие представления о постиндустриальном обществе, но не содержит четкой дефиниции: «информационное общество — понятие, фактически заменившее в конце XX в. термин «постиндустриальное общество».

В современной теории выдвигается концепт национальных модернизаций, разница в модернизационных процессах различных стран считается закономерной [6]. Открыт вопрос, в какой мере сегодняшняя технологическая и политическая модель, принятая на Западе, вновь может считаться образцом и целью модернизации отдельных стран и глобального мира [6].